

О романе Роллана Сейсенбаева “Мёртвые бродят в песках”

Владимир
личутин

Неожиданную, многодумную поэтико-философскую работу создал казахский литератор Роллан Сейсенбаев, с которым мы когда-то посещали в Москве Высшие литературные курсы. Ничто не выдавало в нашем приятельстве, что так глубоко, мужественно погружен он в самую серд-

построен на догадках и мифах, наверное, никто из русских учёных серьёзно, плотно, глубоко не занимался историческими “свитками”, хранящимися под спудом не в артефактах (черепокх и косточках), но в мистической памяти народа, не посвящая этому свою жизнь; наоборот, останавливает сложившееся в учёном сообществе недоверие к происхождению русского народа, которому обгрызают “его жизненный путь” мыши и тараканы, ядовитые змеи и коварные скорпионы западного толка, лишаюи великий народ древнего начала, внушают слабым духом, что “ничего любопытного не случилось, потому что не могло быть”, ибо

он до конца дней земных жил на берегу Сыр-дарьи, и стал сказителем, святым пророком, героем сказаний, акыном, посланником Аллаха, невольным нравственным водителем по исторической жизни казахского племени. Истовые почитатели Иманбека воздвигли герою мавзолей из белого тесаного камня, и занесли его имя в синодик святых... В те до-соляные времена заселялись на небесах и становились Богами совершенно простые люди, отмеченные печатью Создателя. Но ведь и мы, русские, ведём свой род от скифов-ариев. Об этом писал в восемнадцатом веке Михайло Ломоносов и теперь учёными этот факт не оп-

Куда ты мчишься, огненный конь?

цевину казахского бытия, в древнюю почву своей родины, чтобы с редким сострадательным чувством вывернуть из глубины полужабитые пласты былой жизни дорогого ему народа.

Был Роллан всегда улыбки, внимателен, дружелюбен в речах и поступках, лишь в глазах задумчивого, погруженного в себя казаха постоянно сквозила печаль. Был, вроде бы с нами, но и где-то в стороне, в своём непостижимом для нас мире. Был он смугл, по восточному красив, представлял другого мира, но по наивности, по малограмотности моей в те времена я и представить не мог, что мы – люди одной крови, далеко, увы, отпавшиеся во времени потомки Аяфета, Ноева сына, кому праотец (по Ветхому Завету) отдал во владение Восток и Север. Первый поток двинулся в неизвестность через Кавказ, на Алтай, оттуда на Иртыш, Енисей, к устью Лены, к степям Монголии, на реку Амур...

Это было первое великое в истории человечества кочевье. Их было мало, сотни, может быть тысячи, у них был пока один язык, они двинулись в неизвестность ещё до вавилонского столпотопления. Потому в русском языке так много тюркских бытовых слов. (В поморье ненцы и зыряне живут возле русских тысячу лет, но так и не оседлились в языке, словно бы обитают на другом недоступном материке.) Кочевали в неизвестность, возвращались обратно, чтобы исполнить путь по-новому кругу, теряли близких, плодились, сплывались в семьи и общины, перенимали опыт, терялись навсегда, забывали нужное, блудили в потёмках.

Чужой мир становился своим, родным. Люди искали свой будущий дом. В этом ручейке бредущих были и будущие казахи. И что значат сорок лет еврейских мытарств, о которых столько пишут поклонники иудейской истории, перед тысячелетним скитанием потомков Ноя, несущих память о великой трагедии потопа. Конечно, этот исторический материал сырой,

их понимание истории человечества привязано к эллинской культуре, к угро-финнам, к германцам, древнему Риму, к Моисею и Вавилонской башне с тираном Невродом; что-то подобное, необычное, конечно же, не могло случиться в варварской, косной России, в её “короткой и невзрачной истории”, но ведь что-то подобное великому безусловно происходило на русских пространствах и открывается нам из-под спуда небытия крупицами, нехотая, с превеликим трудом, без глагопения наследникам рода на столь быструю их забывчивость.

(Свидетельствами этому: город Аркаим второго тысячелетия до нашей эры, русское королевство со столицей в Ростове Великом, когда древнего Рима и в помине не было, поселения на Алтае и в устье Лены, белокурые предки киргизов, развалины скифских белокаменных городов в Крыму, в верховьях Северского Донца и Хопра, наши былины и старины – изустный свод памятных событий: записано двести томов.)

Да и Роллан, когда работал над многолетним трудом, в историю человечества, наверное, остерегался глубоко, неоглядно погружаться, боялся “утопнуть”, но уверенно вёл истоки казахов от кипчаков, саков, тюрков... и от скифов; да и исследовал-то Сейсенбаев не “послепотопную” историю, а наши безрассудные трагические времена.

И мне бы здесь тоже не место и не время уходить в исторические “раскопки”, но взгляд невольно остановила прекрасная легенда о скифском воине Иманбеке, которую писатель сфокусирует в романе довольно часто с восхищением к жертвенному мужеству предка, с любовью к герою. Писатель восторгается героическим сказом об Иманбеке, которому по приказу персидского царя Дария выкололи глаза. Ослепленный скиф Иманбек пожертвовал внешним светом ради света внутреннего, духовного, и вызволил из плена друга своего;

ровергается. (“Да, скифы мы!” – восклицал Блок.) Русские и казахи – дети пространства, их природу выкавал размах вольных земель, потому одинаково их мучиточность, простота, доверчивость и душевная цельность.

У войне персов с древними скифами повествуют и русские летописи: кстати, историю народа “чужд белоглазая” Ломоносов вёл от северных скифов; художественные артефакты из бронзы и золота, найденные в пермском крае, – свидетельство высокой культуры однажды исчезнувшего народа, родственной Египту и Элладе. И Роллан Сейсенбаев, не касаясь общих исторических корней, не раз напоминает по ходу романа о духовной близости русских и казахов. “Ну чем не русский человек, – вдруг подумал Шараев против своей воли (слушая песню Насыра), и тёплое близкое чувство шевельнулось в нём, и стало расти к этому крепкому невысокого роста казаху. – Ведь и эти люди, простые казахи, такие же широкие душою, как и мы, русские”.

“У меня кости русские, а мясо на них казахское”, – признается один из героев романа. “Не будь сыном своего отца, а будь сыном своего народа”, – говорил великий Абай, глядя в сторону великой России, озабоченный увяданием казахского племени, придавленного обширными степями, прозябающего в быстро утекающем времени. Так живёт отрокост юной ёлущи, угодивший в ветровал под павшее замшелое дерево. Дышать, вроде бы можно, а жить нельзя; корень с натугою дышит, а вершина чахнет.

“Национальность для каждого племени есть рок его, судьба его”, – в лад ему вторил философ Василий Розанов, размышляя о роли племени. Только чувство своего рода возвращает достойного человека, в котором живёт “национальная почка”, готовая выкинуть спасительный добрый росток.

(окончание на стр.8)

О романе Владимира Казарезова “Фермер”

Иван
уханов

В этом многоплановом трехтомном романе нет остросюжетных ходов, любовных треугольников, экстрима криминального и сексуального толка и

Автор конкретно, дотошно знает все социально-экономические аспекты аграрного дела, все извивы психологии земледельцев, живет их радостями и заботами, отважно заступаясь за них везде и во всём. Потому написанное им глубоко лично, ибо услышано, увидено, выстрадано. Казарезов помнит и понимает, что догматически крепкие принципы социалистического строя подчас понуждали писателей

обслуживать идеологию власти, лишь некоторые из них осмеливались сказать правду о трагедии русской деревни. Владимир Казарезов сегодня без утайки договаривает недосказанное ими.

Главный персонаж романа Владимир Новиков – истинный герой нашего времени, живет на огромной скорости, велика и патристична сила сцепления его судьбы и дел государственных. Конструктивны и глобальны его преобразовательские проекты, праведна энергия его дел и мысли.

Однако пути к добротворчеству на благо Отечества приходится прокладывать ему через рутину бюрократии и завуалированный саботаж антинародных сил.

А силы эти немалые. В романе подробно описана корпоративная встреча крупнейших российских землевладельцев, долларовых миллионеров. Парадокс, но... все выступающие говорили не о том, чем они должны бы заниматься, а о том, как укрепить контроль за депутатами-законодателями, как усилить своё влияние в законодательской сфере. Будто не земледельцы-бизнесмены, не земледельцы собрались на свой форум, а депутаты профильных комитетов Госдумы. Объявились среди выступавших и взворававший депутат и стал увещевать и как бы оправдываться:

– “Вам бы, господа, молиться на наших законодателей. Нигде в мире нет такого либерального закона о земле, позволяющего одному человеку сосредотачивать в своих руках сотни тысяч гектаров земли. Но рано или поздно земельное законодательство, благодаря которому вы стали крупнейшими землевладельцами, будет, пожалуй, изменено. И вам важно, чтобы это произошло как можно позже.”

– Вот именно! Нужно заинтересовать тех, кто эти законы принимает, – поддержал оратора очередной выступающий. – Нам продержаться бы ещё несколько лет, а там – пусть меняют законы. Земля уже будет поделена.

– Нам надо раскошелиться, господа. Надо через средства массовой информации внедрять в сознание людей мысль: чем крупнее производство, тем оно эффективнее. Нужно всячески поощрять пишущую братию, объявлять конкурсы, представлять журналистов, писателей, артистов к государственному наградам. Работать наступательно и изобретательно. И не скипситься... Но и не переборщить. Не надо пытаться формировать образ крупного землевладельца как положительный. В России этот номер не пройдет, вызовет лишь шквал контраргументов. И не нужно в любовную развенчивать Чаянова и Столыпина, считавших, что крестьянские хозяйства эффективнее гигантских холдингов и комплексов. Тут нужны не камерные ученые дискуссион, а средства “массового поражения”. Газеты, телевидение... Знайте, пока идеи Чаянова и Столыпина владеют массами, мы не сможем чувствовать себя уютно”.

Лишь небольшую дискуссию вызвал у богатых землевладельцев-единомышленников разговор о социальной политике на селе.

– “Население деревни – не наша проблема.

Мы наладим достойный быт только тем, кто будет работать на наших мегафермах. Жилье, детские учреждения, школы, хорошая зарплата – всем этим обеспечим.

– А куда деваться остальному населению? Разбежаться, разежаться, расселиться, чтобы не умереть с голоду близ наших агрогородков?.. Мы должны хорошо подумать, на что замахнемся, господа, какой может быть реакция общества на это?.. Ведь во всем мире крестьяне живут в небольших деревнях. Евросоюз даже поощряет создание малых ферм. А мы мегафермы создаем. А кто будет обрабатывать небольшие поля, где наши мощные “Джон-Дирамы” и “Классы” не смогут развернуться?.. И потом – экология. Ведь ферма в несколько тысяч коров или в сотни тысяч свиней – это же смертельная угроза окружающей среде. И где же тогда нам добывать экологически чистую продукцию?..

– Стоп, стоп, господа! Наша дискуссия принимает неожиданный и весьма нежелательный поворот, – остановил оратора председательствующий...”

Этому форуму могущественных российских латифундистов, их силе и цинизму, противостоять почти невозможно. Но знатный фермер Владимир Новиков непреклонен.

– “Они хотят доказать, утвердить, что огромные мегафермы и холдинги – единственное возможный и правильный путь развития нашего сельского хозяйства. А ты доказываешь обратное, – возражает его друг. – Особенно их бесит безупречность нравственной позиции твоей. Ведь ты – живой пример того, что обустроить деревню можно и по-твоему. И не скрываясь своих планов. Но латифундисты не согласятся с тобой. Поэтому, если ты намерен и дальше развиваться, прими их правила игры...”

– С волками жить, по-волчьи выть? Никогда!.. Владимир Новиков потрясен вопиющей несправедливостью: у народа российского необъятные просторы с богатейшими недрами и плодородными землями, великими реками, лесами, но работать по совести и уму на этих нивах людям не дают.

Оттого страна почти всегда пребывает в продовольственной зависимости, импортируя из-за рубежа то, что сама вполне могла бы экспортировать.

Новиков знает, что и как сделать, чтобы земля стала вдоволь кормить и радовать своих рдетелей. Земля ведь – то женщина, она хочет, чтобы леяла, любил её один, а не все, кому как вздумается, кто во что горазд.

У книги имеются и недостатки. Обилие фактического материала, отмеченное мною как несомненное достоинство произведения, в некоторой степени иногда стесняло автора в рациональной организации композиции и сюжета: повествование, перегруженное вроде бы обязательными сценами и событиями, подчас тормозилось, отяжелялось, художественный регламент его не всегда соблюдался, разрывался, читательское восприятие ослабевало. Имеются в виду диалоги и монологи персонажей о вчерашних и нынешних экономических, политических и нравственно-этических проблемах в России.

Сожаление вызывает очевидная халатность издателей: обложка книги представляет собой заурядный рекламный плакат сельскохозяйственной тематики – под синим небом колосится хлебное поле. Невзрачным шаблонным шрифтом обозначены имя автора и название книги.

В целом же роман впечатляет своим масштабом, богатейшими реалиями современности, их вселенской актуальностью, пророческим видением автора завтрашнего дня, острой тревогой за судьбу российского поля.

Из цикла “Национальная идея” Беседовал Алексей Шорохов

– Тимур Касимович, мне давно хотелось поговорить с вами о русском народе – и не только потому, что в вас промыслительно соединились две арийские крови, две великих реки: великорусская и таджикская... Но и потому, что у вас теперь есть возможность с высоты своей жизни, с высоты своей памяти, с высоты Памира, наконец, и времени, прожитого вдали от России – взглянуть на любимый вами русский народ как-то иначе, может быть полнее, может быть определеннее... Как вам теперь видится: кто такие русские – из глубины веков и сегодня?

– Как приятно читать мудрые вопрошания писателя и гражданина, а не лукавые вопросы журналиста. Дорогой Алексей! Ходжа Насреддин сказал:

“Один писатель стоит тысячи журналистов...”

Писатель – это глубинный язык народа... А журналист – блудливый язык власти... Потому писателей и не пускают на ТВ и СМИ, а говорят, что писатели утратили влияние на души людей... Но вернёмся к вашим вопрошаниям...

Тимур ЗУЛЬФИКАРОВ

“И когда ж мы полюбим, русские – русских?..”

Что я думаю о Русском Народе?... Что думаю муравей, ползущий по пирамиде Хеопса?.. Что может сказать человек, бредущий с пиа-лой воды вдоль бушующего океана?..

История Святой Руси – это Океан Бушующий... Конечно, святые старцы знают Русь гораздо глубже и дальше меня...

Но мой тысячелетний герой Ходжа Насреддин, который беседовал с царем Соломоном о Мудрости...

С Конфуцием – о Государстве... С Чингисханом – о Войне... С Ганди – о силе Ненасилия... Со Сталиным – об Империи... И видел возвышение и падение многих царств и народов, нынче бродит на седом осле по нынешней Руси...

Ему-то и я внимаю... Он-то и вдохновил меня на создание многих философски-публицистических поэм о России...

Перечислю некоторые: “Свеча Русской Любви”, “Часы Святой Руси”, “Тринадцать огненных коней”, “Великий Советский Ренессанс”, “9 Мая 1945 года”, “Сталин в горящих лесах”...

– Я не случайно спросил об этом именно вас – странника и бесребренка. Ибо вышла на свет Божий за последние десятилетия разрухи и порухи на Руси целая порода мужиков, узколобых, с цепким взглядом, небольшого роста, которые, кажется, чуть ли не официально получили в откуп само понятие “русскости” и патристичности. Похоже, это дети и внуки тех самых мужиков, описанных Юрием Казаковым, что даже из Великой Отечественной войны ухитрились сделать прибыльное дельце, а по её окончании вывеливали на прилавки антикаварных магазинов целые мешки денег и покупали ажурные великокавказские рушья дамаской стали, ковыряясь в хрупких стулах заскорузлыми негнущимися пальцами...

Бог с ними и их нечистоплотными делишками и гешефтами на патристичные, но ведь они, укладывая очередной мешок с нажитками в условное запелье, ещё и на словах (как бы в своё оправдание) пытаются сегодня отсечь от России и русскости, скажем, Андрея Тарковского (которого не понимают), Арсения Тарковского (которого, скорее всего, и не читали), художника Филонова, композитора Скрибина – в общем, всё то цветущее и неопикуемое многообразие русскости, которое дал XX век... А может они правы: и, действительно, сегодня пришло время отсечь всё лишнее, бесприютное, непонятное, так сказать, “непрофильные активы” русского народа и русской цивилизации, – дабы уткнуться в тёплое запелье со щами и барышом, и там под рюмочку и дедовские песни переждать бури и сквозняки века нового?

Что же тревожит моего старца?.. Что же он думает о Русском Народе?..

Вот его ответы...

Произошло самое страшное.

Русские люди перестали любить друг друга...

Оскудели любовью... Свеча русской любви угасает...

То ли от бесконечных войн и революций...

То ли от необъятных неухоженных пространств, где русский человек чувствует себя сиротой...

Русское одиночество – самое великое в мире... Мы, русские, перестали помогать друг другу, перестали подпирать друг друга...

Только в окопах войны сохранились ещё русская братская любовь и солидарность...

Но даже нынче, в окопах патриотизма, русские бранятся с русскими...

О! Господь, дай нам силы перестать воевать друг с другом в стане внутренних и внешних врагов!

Вот мы – люди культуры, восхищаемся ли мы своими собратьями?..

Или у нас уже полностью убит инстинкт восхищения?..

Кто из нас воскричал о наших талантливых со-

временников?

О чародеях русского седого слова Александре Стрижове и Владимире Личутине, о тульском писателе-мудреце, наследнике Толстого, Сергее Овчинникове, о гениальном композиторе Сергея Овчинникове, о выдающихся поэтах Михаиле Ерёмине и Татьяне Смертиной, о художниках иконописцах Артемьеве и Мухоме, о дивных певцах Елене Сапоговой и Лине Мкртчян...

А ведь чуждебный шоу-бизнес заживо засыпает их песком забвения...

А мы смиренно молчим!..

А другие не молчат!..

Однажды прошёл слух, что я – бухарский еврей...

О Боже!

В какой океан любви, нежности, внимания и понимания я окупнулся!..

Жаль, что это счастье было быстротечно...

И вновь я оказался в бескрайнем русском поле, где с горечью произнёс вот эти стихи:

Если ты родился русским на Святой Руси,

То не будет тебе счастья,

То не будет тебе воли,

Как ни голоси...

И куда ни колеси...

Счастье будет только в небесах...

И ещё я запел свою песню:

...Мне приспелось, что я еврей,

Все вокруг меня любят и ценят,

Мы открыты солнцу дверей,

И в кармане у меня тыщи денег...

Я проснулся в осмелой, трухлявой избе,

На столе – неподлый стакан

с трёхрублёвой закуской...

Уже тысячу лет

никто не стучит в мою одинокую дверь,

Потому что я русский...

Потому что я русский...

А за окном – пьянь да цыганская реань,

В дверь стучится лишь ветер осенний...

Я – поэт!..

Но я имя своё позабыл...

То ль я Пушкин,

А то ли Есенин?..

Я проснулся в кривой беспробудной избе,

На столе уже нет ни вина, ни закуски...

Уже тысячу лет

никто не стучит в мою дверь,

Потому что не любит русского русский!..

И когда ж ты полюбишь русского, русский?..

И когда ж мы полюбим –

Русские – русских?!

А вот евреи стали Хозяевами Мира, потому что они усвоили древнейший Божественный Закон, записанный на ассиро-вавилонской тайной Изумрудной Скрижали?..

И что же было начертано на этой Скрижали?..

Люби Бога!..

Люби Сеюю Кровь, Свой Народ!..

И будешь Владыкой Мира!..

Знаем ли мы – русские – эти Великие Божественные Законы?..

Или мы верим в смертельные сказки о всечеловеческой любви, об интернационализме, о толерантности?..

О том “что нет ни эллина, ни иудея”...

Если человек не любит свой народ,

Он никогда не полюбит другие народы...

А будет или по-барски завидовать другим народам... или по-барски их презирать...

Не пора ли нам, русским, стряхнуть пепел ложных словес и вначале возлюбить друг друга – согласно Ветхому Завету, а потом уже врагов – согласно Новому...

– Тимур Касимович, продолжая вашу мысль, я задам вам и вовсе “неполиткорректный” вопрос. Я хочу спросить о новом религиозном ваварстве. В последние годы даже появилась такая пословица: “Не все террористы – мусульмане...”. Россия и весь мир сорозаюются от беспрерывной череды злодейных мусульманских террористов... Как уживаться христовским (как называет русский народополумяный вами писатель Владимир Личутин) в своей же стране, где нас государствообразующее большинство (80%), – с новыми “жилцами”? Которые приезжают в коренную Россию, и, не имея ни культурного, ни цивилизационного превосходства над русским большинством, полагают в основу своего “превосходства” мнимое “превосходство” религиозное...

– Есть Большой Терроризм и Малый Терроризм...

Большой терроризм порождает малый...

Почему терроризм только “мусульманский”?..

Потому что террористы идут на смерть с именем Аллаха?..

А когда американцы бросали атомные бомбы на Японию, разве они не крестились?..

Разве они не призывали на помощь Святую Мадонну?

Тогда почему это не называлось “христианским терроризмом”?

А когда нынче Большим Террором США и НАТО уничтожаются целые страны: Вьетнам, Корея, Югославия, Ливия, Ирак, Ливан, Сирия, Сербия – то почему это не называется “протестантским терроризмом”?

Да!.. Вот она – блудливая двойная игра словес и смыслов...

Да!.. Пока будет бушевать костёр Большого Терроризма США и НАТО – от него будут отлетать угли мелкого терроризма...

Увы, это закон Жизни и Смерти...

Закон Бытия и Небытия...

От Большого Террора погибают беззащитные народы...

А от Малого Террора – безвинные пассажиры в метро...

Да!.. Террористов надо искать прежде всего в Домах Власти, а не только в лагулах бедняков...

На снимке: епископ Питирим вручает Тимур Зулфикарову сумку дереша

Только что вышедшую в издательстве “Художественная литература” книгу Тимура Зулфикарова “Золотые писмена любви” (“Избранные творения”) вы можете заказать по телефону:

8-917-571-67-12.

О романе Геннадия Рязанцева-Седогина “Становящийся смысл”

Заканчивается служба в храме. К священнику подходит женщина в слезах и рассказывает, что её маленькому ребёнку поставили диагноз – острый лейкоз. Женщины плачет и постоянно спрашивает, за что Бог наказал её сына, почему это случилось не с ней, не с её мужем или кем-то другим.

Андрей
Тимофеев

Священник слушает её молча. Он,